
Александр Лазарев
ХРАНИТЕЛЬ СНОВ

Александр Лазарев
Хранитель Снов

https://litres.ru/74710969
SelfPub; 2026

Аннотация

Попасть в аварию и потерять имя, тело, память и право на завтрак — сомнительный способ начать новую жизнь. Но что поделать, если ты теперь Хранитель Снов? Придётся осваиваться: путешествовать по чужим кошмарам, наводить порядок в самых тёмных уголках человеческого подсознания и объяснять монстрам, что кусать гостей неприлично.

Зарплаты нет. Благодарность — исключительно моральная. Клиенты, едва проснувшись, тут же забывают о твоих подвигах. А чудовища всё норовят откусить кусочек.

Но есть один бонус. Её зовут Света. У неё васильковые глаза, ямочки на щеках и любимая роза в старом глиняном горшке.

Вооружившись фантазией и чувством юмора, герой пытается преодолеть все напасти и обрести себя. Иногда сны становятся реальностью. А иногда реальность оказывается... хомяком в солнцезащитных очках.

Это история о том, что смерть — не конец. А любовь — не сон.

Содержание

Глава 1. Первый ком блином 5
Глава 2. Хомяки. Кругом хомяки. 8
Глава 3. Метод обнимашек или погружение в детство 20
Глава 4. Веранда, горшок и моё обещание 24
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Александр Лазарев
Хранитель Снов

Глава 1. Первый ком блином

Знаете, какой бонус в том, чтобы вас размазал по асфальту грузовой автомобиль крупнотоннажного класса? В полном отсутствии бюрократии. Никаких «ой, мне бы к врачу», «надо заявление написать» или «где мои документы». Нет ни паники, ни осознания «ох, щас умру». Просто — удар и тишина. Не тишина в ушах. Тишина во всём. Вы когда-нибудь задумывались, как это — не чувствовать, что у вас есть тело? Не голод, не холод, не зуд в пятке. Никаких сигналов от периферии.

И вы, вернее то, чем вы стали, свободно парите в вакууме, лишённом не только гравитации, но и таких надоедливых мелочей, как память, имя или чувство голода. Я не знал, как меня звали, чем занимался и должен ли кому-то денег. Последнее было особенно тревожно на каком-то глубоком, подсознательном уровне. Но в остальном — полный покой. Ни тебе «туннеля со светом», ни хоров ангелов, ни окна с надписью «ошибка 404». Просто безграничная пустота. А потом что-то щёлкнуло. Не в ушах. В самой структуре небытия. Я вдруг понял, что существую. Я чувствовал себя новорожденным. Нет, я не требовал молока и не пачкал пелёнки. Просто у меня имелось твердое осознание того, что я только что появился там, где меня никогда раньше не было. Причём я был абсолютно чист от прежних воспоминаний — ни име-

ни, ни места работы, ни адреса электронной почты. Я даже не имел представления где нахожусь. Поэтому первым моим желанием стало желание — увидеть.

Нет, я не открыл глаза. Я... оказался в глазах. В чужих.

И увидел не больничный потолок, а детскую спальню, сошедшую с ума. Цвета кричали неестественной яркостью. Розовые обои с пони текли, как будто они сделаны из желе. В углу плюшевый медведь с одной пуговицей-глазом медленно, ритмично поворачивал голову на 360 градусов, и его единственный стеклянный глаз, поворачиваясь в глазнице плюшевой головы, скрипел, будто нуждался в смазке.

Воздух был густым, пахнул ванильным сахаром и чем-то прогорклым, испорченным, что пряталось под этой сладостью. Тусклое освещение комнаты не имело источника, а извивающиеся тени, которые ползли от стен и углов, медленно пожирали светлые островки пола. Я знал — в этих тенях что-то есть. Что-то, что наблюдает. И когда мрак достигнет середины комнаты, оно доберётся до меня.

Я стоял посреди этого безумия, но это было не моё тело. Я ощущал его — маленькое, лёгкое, дрожащее в пижамке с котятами и розовых тапочках, — но управлять им не мог. Был пассажиром. Испуганным, парализованным пассажиром.

Ребёнок сделал робкий шаг к двери. Я чувствовал, какое неимоверное усилие воли стоит за этим движением, как мышцы деревенеют от страха. И тут тень, скользнув по полу, чуть не коснулась его ступни.

— Назад! — рванулось у меня внутри, но было поздно.

Ребёнок решился. Детская рука потянулась к выключателю у двери, больше похожей на прореху в пространстве, затянутую чёрным бархатом. Всё моё существо замерло в ожидании спасительного света. Раздался пустой, гулкий щелчок. Свет не зажёгся. Вместо этого дверь бесшумно поползла внутрь. Из чёрного проёма потянуло перегаром и сыростью подвала. И оттуда же, словно из бездонного колодца, донеслось тяжёлое, влажное сопение. Нечеловеческое. Звериное.

— Это он! Опять он! — забился в моём сознании чужой, исступлённый голос.

Тот, чьими глазами я смотрел, отшатнулся к окну. Оно показывало не улицу, а бесконечную тёмную шахту, уходящую вниз. Падение туда казалось вечным.

Из темноты показалась рука. Большая, волосатая, с грязными, обломанными ногтями. Она впилась в косяк.

— Мамаааааааа! — пронзительный детский крик разорвал ткань сна.

И меня вышвырнуло прочь.

Глава 2. Хомяки. Кругом хомяки.

Наверное, раньше я был отъявленным подонком. Не уступал место старушкам, парковался в два ряда, переходил дорогу на красный и, чёрт побери, наверняка громко чавкал за столом. Иначе как объяснить мой текущий ад? Точнее не ад, не чистилище, не геенна огненная, а какая-то первоклассная, эксклюзивная пакость. Небытие с элементами абсурда.

Я снова висел в «ничто». Точнее, в его обновлённой версии, теперь с привкусом детского страха и отголоском того звериного сопения. Шикарно. Просто праздник какой-то.

«Так, — мысленно потирал я воображаемые виски. — Варианта два. Первый: я мёртв, и это моё личное послесмертное наказание — быть зрителем в чужих кошмарах. Второй: я в коме, и мой мозг, от нечего делать, генерирует такой изощрённый бред. Оба варианта одинаково паршивы».

Жалость к тому ребёнку была странной — как воспоминание о боли. Было и раздражение. Меня, грубо говоря, вырвало из относительно спокойного небытия в этот психоделический ужас. И кто теперь уберёт из моей несуществующей головы эти психологические обломки?

И, словно в ответ на мою брюзгливую мысль, пространство снова дёрнулось. Знакомое чувство падения в лифте с оборванным тросом — и я опять там.

Я снова был в теле ребенка — девочки лет семи, которая

сидела в центре комнаты, поджав ноги. Она что-то рисовала на листе бумаги, губы её шевелились, будто она разговаривала сама с собой.

Комната в этот раз была залита мягким солнечным светом. Те же розовые обои с пони, но теперь пони выглядели добрыми и глупыми, а не готовыми сползти со стен и утащить в небытие всё живое. Окно показывало зелёный двор, где гуляла собака. Плюшевый медведь неподвижно сидел в углу, излучая уютную безмятежность.

Я попробовал Заговорить с ней. Не физически, а намерением.

— Эм... Привет?

Девочка вздрогнула, уронила карандаш и обернулась. Глаза — большие, синие тревожно обшарили комнату.

— Кто это?

— Тот, кто вчера... ненадолго заглянул. Когда было страшно.

Её лицо прояснилось.

— Это ты кричал «назад»?

— Не уверен, что это был крик. Но да. Я.

— А где ты? — она привстала на коленки, оглядываясь.

— Всюду. И нигде. Думай обо мне как о... дружелюбном голосе в голове. Очень странном голосе.

Она села обратно, явно обрабатывая информацию. Дети — потрясающие существа. Взрослый бы уже истерику закатил, а она просто приняла новый факт как должное.

— Я Лена, — наконец сказала она. — А тебя как звать?

Упс.., а имени-то своего я не помню, и что тогда сказать?

— Пока что меня никто не звал.., я вроде как сам прихожу — пошутил я. — Но можешь называть меня, например... Дядя Без Тела. Или Приходящий во снах.

Она фыркнула.

— Дядя Без Тела — смешно. Ты как в мультике про невидимку.

Девочка предложила мне выпить с ней чаю, и хотя сам процесс этого в моем положении представлялся мне абсурдным, я согласился. Передо мной, прямо посреди комнаты, материализовался маленький столик и два пуфа. На столике — чайник с цветочным узором и две чашки. Запах свежей выпечки.

«Неплохо, — подумал я. — У девочки хорошая фантазия».

Мы «сели». Вернее, девочка села на пуф, а я наблюдал, как она наливает чай. Лена рассказала о школе, о подруге Кате, о маме, которая работает в аптеке и пахнет травами. Её рассказы были яркими, тёплыми. Мы болтали ещё. Она говорила про школу, про то, как учится кататься на велосипеде, и как её одноклассник Ваня съел кусок мела в классе, что бы не решать у доски примеры. Она спросила, есть ли у меня друзья, и я честно ответил, что единственный человек, которого я знаю, это она.

Я был для девочки не взрослым, не родителем, а тайным

другом. Волшебным существом из другого измерения, её личным, особенным чудом.

Я обратил внимание на лежащий рядом с девочкой альбомный лист.

— А что ты рисуешь?

Она посмотрела на рисунок: розовый дом, две светлых фигурки рядом с ним, и огромное жёлтое солнце в верхнем углу.

— Это мы. Мама и я.

— Вы вдвоем живете?

— Нет.., ещё у нас живёт дядя Боря, — мысль потемнела, стала угрожающей. — Он... мамин друг. Он громкий. И от него пахнет вином. Когда он кричит, мама плачет. А потом ночью... приходит Тёмный Дядька. Он говорит, что заберёт мои карандаши и голос, если я кому-нибудь расскажу.

Она замолчала. И этого было достаточно.

Комната отреагировала мгновенно. Солнечный свет за окном померк, будто его выключили. Зелёный двор почернел, стал плоским, как картонная декорация. По стенам поползли тёмные прожилки, обои снова поплыли. Воздух загустел.

— Он нехороший, — прошептала Лена хриплым от испуга голосом. — Когда он злится... здесь становится страшно. Тебе надо уходить. Сейчас. Пока он не пришёл сюда! Уходи! Спасайся!

Её страх, острый и липкий, накатил на меня волной. И в этом страхе была не только её паника, но и что-то новое —

беспокойство за меня. Этот маленький огонёк ответственности в кромешной тьме её кошмара обжёг меня посильнее любого ужаса.

«Нет, — мысленно, но твёрдо ответил я. — На этот раз — нет».

Если маленькая Лена силой фантазии могла являть чашки с чаем и пуфики, то, возможно и я здесь на что-то способен? Я сосредоточился на том, чтобы помочь девочке. Чтобы эта комната, этот сон, был её крепостью, а не пыточной камерой. Я представил, как тени не подползают, а отступают, втягиваясь в углы. Как окно снова становится окном, а не порталом в бездну. Как воздух очищается от сладкой гнили и пахнет свежестью.

Пространство сопротивлялось, дребезжало, тени то выгибались, то растягивались в струну. Но я не отступал. Я был здесь не просто зрителем. Я был волей. И воля эта оказалась сильнее страха.

Тени отползли. Свет вернулся, пусть и не такой яркий — мягкий, вечерний. За окном загорелись уютные фонари во дворе.

— Видишь? — сказал я. — Его можно победить. Не он хозяин здесь. Это место принадлежит тебе.

Её страх сменился изумлением, а затем — робкой надеждой. Это была моя первая настоящая победа. И вкус у неё был лучше любого воображаемого чая.

— А он, этот Тёмный Дядька... он похож на дядю Борю?

— спросил я осторожно.

Она задумалась.

— Не совсем. Он больше. И у него... клыки. И он весь из тени. Но голос... голос похож.

Бинго. Страх перед страшным взрослым персонифицировался в монстра, но связь с источником очевидна.

— Слушай, Лена, — сказал я, стараясь, чтобы мои «мыслеслова» звучали максимально уверенно. — Этот Тёмный Дядька — трус. Хочешь, я это докажу?

— Как?

— А ты просто смотри.

Я сосредоточился не на её восприятии, а на самом пространстве сна. На ткани псевдореальности, которая здесь была податливой, как глина. Я представил, как из-под кровати, вместо тени, выползает не Тёмный Дядька, а... толстый, упитанный хомяк в крошечных солнцезащитных очках. Он деловито протопал до середины комнаты, уставился на то место, где обычно возникала тьма, и издал решительный писк.

Лена замерла, потом фыркнула. Потом рассмеялась. Звонкий, чистый смех, который заставил солнце на её рисунке стать ярче.

— Он такой глупый!

— То-то же, — с удовлетворением отметил я. — Монстр питается страхом. Нет страха — нет и его. Попробуй в следующий раз, когда начнёт темнеть, представить, что из углов вылезают такие хомяки. Целая армия.

— А они будут с очками?

— Обязательно. И, может, в плащах.

Когда сон девочки стал приближаться к концу, наше общение начало иссякать, я сказал:

— Мне надо идти. Но я проверю, как там дела с хомяками. Договорились?

— Договорились, Дядя Без Тела! — она весело помахала рукой в пространство.

Я «отключился». Но не вернулся в пустоту, ведь у меня появилась задача. Я ощутил след. Ту самую, темную вонючую нить, ведущую к дяде Боре. «А теперь, — подумал я, ощущая прилив странной, холодной уверенности, — визит вежливости. Надо познакомиться с источником кошмаров». Найти его сон было легко. Он висел в пространстве, как вонючий, пропитанный перегаром клубок тумана. Я нырнул в эту густую, грязную ауру.

Переход был мгновенным. Серый туман сменился тьмой. Густой, тяжёлой, наполненной стонущими звуками и смутными, бесформенными угрозами. Я был не в чьём-то теле. Я был над этим сном. Наблюдателем, парящим под потолком низкой, задымлённой комнаты.

Его сон был предсказуемо убог. Грязное пространство, напоминавшее то ли кабак, то ли подсобку, где его самого пинали и обзывали бесформенные тени-фантомы. Он стоял посреди этого хаоса — большой, рыхлый, в растянутой майке. Но здесь он не был тираном. Он был жалок и слаб. Тени ты-

кали в него пальцами, обвиняли, смеялись. Он отмахивался, бормоча что-то невнятное, и в его сне явственно чувствовался запах страха. Страха неудачника, который может быть жестоким только с теми, кто слабее.

«Нужно внести элемент… педагогики», — решил я.

Сосредоточившись на одной из атакующих теней, я вдохнул в неё свою холодную, непреодолимую волю. Я захотел, чтобы тень перестала кричать и... заговорила. Спокойно. Тихо. Голосом, который будет буравить ему мозг даже после пробуждения.

Тень замерла. Её размытые черты стали чёткими, ледяными. Она подошла к мужчине вплотную. Он замер, заворожённый.

— Борис, — сказала тень голосом, в котором не было ничего человеческого, только бездонная, звёздная пустота. — Посмотри на свои руки.

Он посмотрел. На его грубых пальцах стали проступать тонкие, ярко-алые нити. Они тянулись в темноту, за пределы сна.

— Это нити её страха, Борис, — прошептала тень, и её шёпот заполнил собой всё пространство. — Они питают твою ничтожность. Но теперь... теперь они поглотят тебя.

Я захотел, чтобы нити ожили.

Они дёрнулись. И поползли. По его рукам, к плечам, к шее. Он замер, боясь пошевелиться. А нити всё ползли и ползли, впиваясь в руки, ноги, туловище. Острые, как иглы,

они проникали под кожу — мучительно медленно и неотвратимо. Борис вскрикнул, попытался вырваться, но нити держали крепко.

А из темноты, откуда они тянулись, послышался звук. Вначале один: тихий, прерывистый всхлип. Потом ещё. И ещё.

Детский плач.

Плач Лены.

Он нарастал, множился, сливаясь в жуткий, неумолимый хор, который исходил уже отовсюду — из стен, из пола, из самого воздуха. И в этом хоре не было ни слов, ни смысла. Только боль. Только страх. Только то, что накопилось в маленькой девочке за годы его жестокости, злобы и равнодушия.

Теперь это всё возвращалось ему сторицей.

Отчим, Борис, зажал уши. Его лицо исказила гримаса боли и настоящего, животного ужаса.

— Нет! Прекрати! — заорал он, но его голос потонул в детском плаче.

— Он видит тебя, Борис, — продолжала тень неумолимо.

— Тот, кто пришёл со мной. Тот, кто повелевает снами. Он теперь всегда будет видеть. Каждую плохую мысль. Каждый взгляд. Он спустит к тебе Ужас, который будет повсюду. Ждать тебя в темноте за дверью туалета. В отражении стенок бутылки. В тишине после твоего крика. Начни снова — и он заберёт тебя в вечный Мрак.

Я усилил эффект. Я направил на Бориса волну чистого, нефильтрованного осознания — осознания того, что за ним наблюдают, что тьма, в которой он стоял, стала аквариумом, а за стеклом стоит нечто невообразимое.

Он рухнул на колени и завыл. Не заплакал. Именно завыл, как затравленный зверь. Он рыдал, бился головой о стены своего же сна. Когда я убедился, что урок проник достаточно глубоко — не в мозг, а в подкорку, в тот животный инстинкт, который всегда сильнее пьяного угара, — я отпустил контроль. Сон стал распадаться, поглощая рыдающего человека. Я «отплыл» назад, в свою уютную, тихую вселенную.

Следующая ночь. Я легко нашёл светящуюся, окрепшую нить Лены и «подключился» как наблюдатель.

Её сон был про полёт на спине гигантской разноцветной птицы. Не было ни тени, ни хомяков. Только ветер и смех. Я выждал, пока полёт завершится, и она очутилась в знакомой, но теперь абсолютно безопасной комнате.

— Привет, пилот, — послал я мысленный сигнал.

Она обернулась, улыбнулась.

— Привет! Ты пришёл!

— Как успехи? Тёмный Дядька не приходил во сне?

— Один раз попытался, — с важным видом сообщила она. — Я сразу представила хомяка в плаще! И знаешь, что было?

— Он сбежал, боясь быть защекоченным до смерти?

— Ещё лучше! Он... превратился в воздушный шарик и улетел в окно со свистом!

Я рассмеялся.

— Это победа. А что с дядей Борей? Он всё ещё... громкий?

Лена задумалась.

— Нет. Он стал... тихим. Вчера даже принёс маме цветы. Говорит, нашёл работу. И пахнет теперь не вином, а... мылом. Хозяйственным мылом. Но это лучше, чем было.

В её голосе не было восторга, скорее — осторожное недоумение. Но и страх ушёл. Это был главный результат.

Я был рад за неё. Но вместе с этой радостью пришло и ясное, неоспоримое знание — знание, встроенное в самые законы этого места: моя работа здесь завершена. Дверь в этот сон для меня теперь закрыта. Её мир зажил своей жизнью, без кошмаров, без страха, без необходимости подчиняться злой воле.

— Ты уходишь? — в её «голосе» прозвучала лёгкая грусть.

— Не ухожу. Просто... твой мир теперь справится сам. У тебя есть армия хомяков. А мне... — я сделал паузу, — надо искать других, кому нужен Дядя Без Тела. Там, где ещё темно.

— Ты больше не Дядя Без Тела. Ты охраняешь сны. Значит ты хранитель — Хранитель Снов. — уверенно сказала девочка.

«Хранитель Снов». Мне понравилось. Это определенно было лучше, чем «голос в голове», или «сонный призрак».

Я кивнул, соглашаясь с ней.

— Тогда пока! — сказала она. — И спасибо за хомяка в очках.

— Пожалуйста. Лети далеко.

Её образ начал таять, растворяясь в золотистом свете её собственного, лишенного страха сна. Я остался один. Но пустота вокруг больше не была просто ничем. В ней теперь звенело эхо детского смеха, а я наслаждался чувством хорошо проделанной работы и знанием, что я могу это делать. Ведь во тьме обязательно горят другие, дрожащие огоньки. И, вероятно, кто-то должен их поправлять.

Глава 3. Метод обнимашек или погружение в детство

Я Хранитель Снов! Я десница судьбы!

Я гиппопотам, наступивший на ногу вашему кошмару!

Я цветочный горшок, упавший на голову коллектору!

Я саморез у дороги, поджидающий машину обочечника!

Я альтруист, не нуждающийся в зарплате!

Да и где найти того работодателя, который захочет платить зарплату работнику, всё время витающему во снах? А я, к слову, только этим и занимаюсь. Если бы Хранители Снов получали гонорары, я бы уже давно купил себе тёплое одеяло и, возможно, даже тело. Но увы. Моя валюта — детский смех и чувство морального удовлетворения. Ею в магазине не расплатишься.

Не знаю механизм, определяющий, в какой сон я попаду. Возможно, владельцы снов чем-то близки мне. Или их сны просто проплывают рядом, а я, витая в эфире, банально стукаюсь о них головой. Навигация — не мой конёк. Мой конёк — это внезапно появляться и говорить «привет» в тот момент, когда кто-то меньше всего этого ожидает.

Часто это детские сны. Они простые, честные, без взрослых заморочек. Детям снятся сказочные герои, чудовища из просмотренных мультиков, передач, Интернета: всякие Ба-

бы-Яги, Слендермены, Хагги Вагги. Вы, например, знаете, кто такой Хагги Вагги? Я вот раньше не знал. Теперь знаю. И если мне повезёт проникнуть в сон его создателя, то он у меня узнает, что такое настоящий ужас.

Бу-га-га!

Шутка. Настоящий ужас — просыпаться с утра на работу, когда надо быстрее бежать и даже нет времени выпить сваренный кофе. Но хотя бы здесь мне повезло: я не пью кофе, у меня и тела-то нет. Да и на работу я не просыпаюсь. Я на неё засыпаю. Как-то так.

И всё-таки это не значит, что я бездельник. Работа у меня есть, и работа серьёзная. Просто так с кондачка ее не сделаешь, а это значит, что нужны проверенные методы и научный подход!

Я, конечно, могу изменить образы сновидения. Это несложно: поднажать, представить, и вуаля — зубастый монстр превращается в мягкую игрушку. Но страшные сны склонны повторяться. Они прилипчивые, как жвачка к шерстяному свитеру. Как соседи сверху, которым периодически кажется, что час ночи — идеальное время для прослушивания попсовой музыки. В результате я снова и снова сражаюсь с одним и тем же монстром. В одних и тех же кошмарах. Одного и того же ребёнка.

Но я предпочитаю свою работу выполнять качественно и надолго. Поэтому для детских снов я изобрёл метод обнимашек.

Надо убедить ребенка посмотреть на чудовище не как на чудовище, а как на существо, которому просто грустно и одиноко, и от души его обнять. Тогда оно меняется. Не сразу. Сначала замирает от удивления. Потом, очень медленно, его зубы втягиваются, когти убираются, а из темноты, из которой оно соткано, начинает проступать что-то доброе.

Отношение к миру — зеркально. Убей монстра — и он вернётся в следующем сне, злее и голоднее. Обними его — и, возможно, завтра он придёт к тебе не монстром, а добрым другом.

Как ты относишься к миру, так и мир относится к тебе. Метод обнимашек проверен на Бабайках, Бармалеях, одном очень ворчливом Буке и, прости господи, на Ктулху. Ему, бедному, просто холодно на дне океана, и он очень хотел, чтобы кто-нибудь накрыл его теплым пледом. С тех пор Ктулху спит спокойно и мировое господство его больше не интересует.

Метод рекомендован к использованию на всех страшилках.

Но дело не только в монстрах. Дело в том, как ты смотришь на мир. Если ты идёшь по жизни с кулаками — мир ответит тебе тем же. Если с открытыми ладонями — рано или поздно в них что-то положат. Это работает и во снах, и наяву. Просто во сне эта закономерность проявляется очевиднее.

Но всё-таки если в реальности вы увидите Хагги Вагги в

тёмном переулке, мой вам совет — бегите. И не оглядывайтесь. Ведь доброта и глупость это не одно и то же.

А во сне — подойдите. Спросите, как у него дела. Может быть, ему просто грустно и одиноко.

И вот с такими мыслями я снова уткнулся головой в очередной сон.

Глава 4. Веранда, горшок и моё обещание

Обычно это происходит вслепую: ты падаешь в чужое сознание, как в тёмный бассейн, и только когда всплываешь — понимаешь, где оказался. Иногда это комната, полная кричащих красок. Иногда — бесконечный коридор со множеством дверей. Иногда — просто голос, который зовёт кого-то, кого нет.

В этот раз я всплыл на веранде.

Деревянный пол выкрашен в серый цвет. Плетёные кресла с подушками в мелкий цветочек стоят ровно и как-то… музейно. Перила увивают лианы дикого винограда — аккуратные, ухоженные, покрытые осенним багрянцем. Окна веранды выходят на березовую рощу. Редкие жёлтые листья деревьев дрожат на тонких ветках, и сквозь них просвечивает бледно-голубое, холодное выцветшее небо.

Осень красива, спору нет. Но она всегда нагоняет на меня грусть. Даже во сне. Даже без тела.

Я обернулся.

Она сидела в углу веранды на плетёном кресле. Худые плечи, тонкие руки обхватили колени. Напротив неё, на маленьком столике — глиняный горшок с цветком. Она смотрела на него так пристально и печально, с такой заботой и

нежностью, будто этот цветок был самой большой её ценностью.

Девушка. Лет двадцать, не больше. Русые волосы собраны в небрежный пучок — несколько прядок выбились и касались висков. На ней была не по размеру большая шерстяная кофта и серые узкие джинсы. Простая. Уютная. Домашняя.

Правильные черты бледного лица, прямой лоб, небольшой нос, слегка вздернутый у переносицы, и чуть полные губы. Печальный взгляд.

Она смотрела на розу.

Цветок рос в старом терракотовом горшке темного цвета с отбитым краем. Скол — кирпично-красный выглядел как шрам. Горшок покрыт тонкой сеткой трещин, будто его много раз роняли и каждый раз склеивали снова. Сама роза — небольшая, штамбовая, с тремя тонкими веточками — когда-то, видимо, цвела густо и радостно. Но сейчас на ней держался всего один белый бутон.

Он поник. Лепестки, ещё вчера, наверное, упругие, сегодня обмякли, посерели по краям и вот-вот должны были осыпаться.

Девушка смотрела на розу с тихим, безнадёжным сожалением. Не отрываясь. Не моргая.

Я понял, что стою посреди веранды уже, наверное, минуту, а она так и не почувствовала моего присутствия.

— Красивая, — сказал я.

Она вздрогнула, подняла глаза. И я увидел, что они —

нежно голубые с зеленоватым отливом, цвет морской волны. И в них не было удивления. Только усталость и лёгкое любопытство.

— Кто вы? — спросила она. Голос оказался высоким и мелодичным.

— Я? — я замялся. Назваться Хранителем Снов сейчас показалось мне слишком пафосным и глупым, а своего настоящего имени я не знал. — Прохожий. Зашёл на огонёк.

— Здесь нет огня.

— Значит, на холодок.

Она улыбнулась. На щеках проступили ямочки, которые придавали ее лицу особое очарование, искренность и игривость. Но почти сразу взгляд снова стал грустным, усталым. Я посмотрел на девушку и произнес:

— «Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далёко, далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф».

Она подняла брови.

— Кто написал эти стихи?

— Гумилев.

— Странно. Я не читала это произведение.

— Почему вам кажется это странным?

— Потому что, — она говорила медленно, будто объясняла ребёнку, — вы — плод моего воображения. Следовательно, никак не можете знать больше, чем знаю я.

— А что, если у вас очень развитое и литературно эрудированное воображение? — В шутливом тоне предположил я. — Вы всегда со своим воображением на «вы» общаетесь?

Она засмеялась. Как звон хрустального колокольчика в тишине сна — и веранда стала будто бы светлее.

— Не знаю, у меня раньше никогда не было воображаемых друзей. — Она помолчала. — Но ты прав, к друзьям не принято обращаться официально. Меня зовут Света.

— Очень приятно, Света. А я… — я запнулся. — Я не знаю своего имени. Честно.

— Как можно забыть свое имя? — удивилась она.

— А кто вообще придумывает имя воображаемым друзьям?

— Не знаю, у меня плохо с фантазией. — Она улыбнулась. — У меня есть цветок, и я назвала его Цветок. Теперь у меня есть воображаемый друг. Значит, я буду звать тебя Друг.

Она снова посмотрела на розу. Провела пальцем по краю горшка, по отбитому, ошкуренному временем сколу.

— Когда-то я с родителями ездила на море. Там было тепло. И пахло кипарисами, знаешь, такой свежий, смолистый запах. И море — тёплое, ласковое, с мелкими камушками. Мы собирали их на пляже, а потом дома я раскладывала их на подоконнике. Ещё там попадались морское стекло и осколки ракушек, а иногда целые раковины. Если прислонить к ней ухо — слышен шум моря. И цветы… так много цветов… — Она замолчала, вздохнула. — Я привезла отту-

да этот цветок. Маленький, в пластиковом стаканчике. Он вырос. А теперь… — Она кивнула на поникший бутон. — Он увядает.

— Можно я попробую помочь? — спросил я. — Друзья же должны помогать друг другу?

— Попробуй. — недоверчиво согласилась она принять мою помощь.

Я посмотрел на цветок. Ощутил тепло горшка в несуществующих ладонях, провел воображаемым пальцем по трещинам, вдохнул запах увядающего цветка. Затем закрыл глаза и направил в цветок свою волю.

Роза дрогнула.

Зелёный — яркий, сочный, живой свет — побежал по стеблю от основания вверх, к листьям. Листья расправились, позеленели. Лепестки бутона, ещё секунду назад серые и безжизненные, налились упругостью и вспыхнули нежно-розовым цветом.

Бутон раскрылся.

Она смотрела, не дыша.

— Как… — выдохнула она. — Как ты это сделал?

— Это было несложно. Ведь я только тем и занимаюсь, что меняю сны. А как именно это получается, не знаю и я сам.

Она долго молчала, любуясь цветком. Потом произнесла с грустной улыбкой:

— Жаль, что такое невозможно повторить в реальности.

— Знаешь, — сказал я, — если что-то очень сильно захо-

теть, я почему-то уверен: это обязательно исполнится.

— Никогда бы не подумала, что мой воображаемый друг будет разговаривать со мной шаблонными фразами, — она шутливо вздохнула, изображая разочарование.

— Это не шаблон, это проверенный жизненный опыт, — сделал вид, что обиделся я. — И вообще, если очень захотеть, мы можем прямо сейчас оказаться у моря. Зачем нам мёрзнуть на этой веранде?

Она посмотрела на меня с недоумением.

— Это же сон. Я не могу просто…

— А кто сказал, что не можешь?

Я мысленно коснулся ее руки. Не контролируя — приглашая.

— Закрой глаза и представь, что за этой дверью — не коридор, а кипарисовая аллея. Что пахнет морем и хвоей. Что у тебя под ступнями — нагретая за день галька. Представь — и открой глаза.

Она колебалась секунду. Потом закрыла глаза.

И открыла.

Мы стояли посреди розария.

Солнце клонилось к закату, но было ещё тепло — то мягкое, обволакивающее тепло южного вечера, когда воздух ощущается густым как мёд, и пахнет тысячей цветов сразу. Розы росли здесь повсюду — красные, белые, жёлтые, перламутровые; они поднимались по каменным стенам, свисали с арок, стелились под ногами. Вдали, за зеленью кипарисов,

угадывалось море — тёмно-синее, почти лиловое в лучах заходящего солнца, с равномерным, спокойным прибоем.

Цикады стрекотали так громко, что закладывало уши.

Света стояла, босая, в своём смешном свитере и джинсах, и смотрела на это великолепие с открытым ртом.

— Это… это невозможно, — прошептала она.

— Здесь возможно всё, — сказал я.

Она медленно повернулась вокруг своей оси. И вдруг замерла, глядя на своё отражение в прозрачной воде прудика с золотыми рыбками.

На ней уже было лёгкое сиреневое платье цвета — шелковый батист, кружева у шеи, рукава-фонарики, чуть ниже локтя. Талия перетянута атласной лентой. В руках — плетёная корзинка с секатором. И зонтик от солнца — настоящий, кружевной, с деревянной ручкой, которую так удобно держать.

— Я… — она коснулась платья. — Я похожа на барышню из девятнадцатого века. И вокруг так красиво!

— Ты похожа на себя, — поправил я. — И самое красивое здесь — это ты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.